

Ф.Г. Жарский

Гедали

ГЕДАЛИ — персонаж цикла рассказов И. Бабеля «Конармия», хозяин лавки на жиитомирском базаре, «крохотный, одинокий, мечтательный, в черном цилиндре и с молитвенником под мышкой». Он образован — учил когда-то талмуд», любит, по его словам, комментарии «Раше и книги Маймонида».

Советско-польская война сделала базар пустым. «Убита жирная душа избылиия», — передает Лютов — сквозной герой всей книги, автор-повествователь — свои впечатления от пустого базара. — Немые замки висят на лотках...». Открыта лишь лавка Гедали, в которой выставлены на продажу «золоченые туфли и корабельные канаты, старинный компас и чучело орла, охотничий винчестер... и сломанная кастрюля... пуговицы и мертвая бабочка... глобусы, черепа и мертвые цветы».

Гедали — старый человек, ему нечего терять, и потому он не боится держать лавку открытой, не боится говорить Лютову то, что он думает о происходящих событиях.

«“Да”, кричу я революции, “да”, кричу я ей, но она прячется от Гедали и высылает вперед только стрельбу...». «В закрывшиеся глаза не входит солнце, — отвечает старику Лютов, — но мы распорем закрывшиеся глаза...».

«Поляк закрыл мне глаза, — шепчет старик... — Он берет еврея и вырывает ему бороду... И вот его бьют, злую собаку. Это замечательно, это революция! И потом тот, который бил поляка, говорит мне: “Отдай на учет твой граммофон, Гедали...” — “Я люблю музыку, пани”, — отвечаю я революции. — “Ты не знаешь, что ты любишь, Гедали, я стрелять в тебя буду, тогда ты это узнаешь, и я не могу не стрелять, потому что я — революция...”».

«Она не может не стрелять... — подтверждает Лютов, — потому что она — революция...».

«Но поляк стрелял, мой ласковый пан, — возражает Гедали, — потому что он — контрреволюция. Вы стреляете потому, что вы — революция. А революция — это же удовольствие. И удовольствие не любит в доме сирот. Хорошие дела делает хороший человек. Революция — это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди. Но поляки тоже злые люди. Кто же скажет Гедали, где революция, и где контрреволюция?».

«Пане товарищ, — обращается он к Лютову, — приведите в Житомир немножко хороших людей... добрых людей, и мы отдадим им все граммофоны... Мы знаем, что такое Интернационал. И я хочу Интернационала добрых людей... Интернационал, пане товарищ... вы не знаете, с чем его кушают...».

«Его кушают с порохом, — ответил старику Лютов, — и приправляют лучшей кровью...»

Спор Гедали с Лютовым на этом заканчивается, но жизнь его продолжает. Наступает вечер, Лютов хочет есть и спрашивает Гедали о том, «где можно достать еврейский коржик, еврейский стакан чаю?...»

«Нету, — отвечает... Гедали... — Есть рядом харчевня, и хорошие люди торговали в ней, но там уже не кушают, там плачут...». Плачут обездоленные войной люди. Так, последнее слово в споре остается за Гедали — «основателем несбыточного Интернационала» — Интернационала добрых людей.